

Е. П. Саркисова, аспирант

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра политологии
Французский бульвар, 24/26, Одесса, 65058, Украина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СТРУКТУРЕ РЕСУРСОВ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ

Рассмотрены особенности политической коммуникации в структуре ресурсов легитимности власти, процесс достижения легитимности в современном обществе.

Ключевые слова: политическая коммуникация, легитимность, власть, государство.

Процесс демократического перехода в Украине, растянувшийся более чем на 15 лет, предполагает особую роль властных институтов в деле фундаментального реформирования всех систем отечественного социума.

Как следствие, чрезвычайно остро встает вопрос о признании и поддержки действий власти населением, о ресурсах ее легитимации и, в конечном счете, легитимности как устойчивой характеристике.

Поиск ответа на данный вопрос требует не только концептуализации самого явления легитимности, но и существенной модернизации уже существующих теоретических наработок.

Легитимация — это процедура, процесс. Легитимность — это оценка степени легитимации, ее результат, оценка ее состояния в каждый данный момент. Легитимный — это оценка отдельных действий с точки зрения их соответствия легитимности.

Как известно, в переводе с латинского легитимация (от лат. *legitimus* — законный) означает “узаконивание”. Энциклопедический словарь по политологии определяет легитимацию как “процедуру общественного признания какого-либо действия, действующего лица, события или факта”. Ю. В. Ирхин легитимацию политической власти определяет как ее общественное признание, объяснение, оправдание и положительную оценку. По мнению К. С. Гаджиева: “Политическая легитимация — это признание, по меньшей мере, большинством членов общества правомерности господства политического режима, действующего в данный конкретный момент” [1, 72].

Легитимация — процесс добровольного, самостоятельного, независимого от власти признания ее населением, и в то же время можно сказать, что этот процесс инициируется самой властью, нуждающейся в поддержке. Это своего рода процесс установки, включающий и когнитивную, и эмоционально-ценностную, и деятельностную составляющую, множество различных механизмов самонастройки массового сознания. Легитимация власти в каком-то смысле представляет собой игру с поддержкой масс и результат игрового взаимодействия зависит от того или иного сценария, определенного политической властью для обоснования своей легитимности. В современном обществе соотношение уровня легитимности и наличие обратной связи как никогда актуально, потому что на пути к демократическому обществу активное участие компетентного населения в политической жизни страны благодаря коммуникативным процессам очень важный момент.

Вопросы признания государственной власти, или, как мы сегодня говорим, леги-

тимности государства и столь же древни, как и само государство. Еще Гераклит учил нас о том, что народ должен сражаться за закон, как за свои стены. Наиболее близко из древних к понятию легитимации власти подошел Аристотель через разграничение государства и общества, где государство — форма, а общество — материя.

В трудах Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, И. Канта, Г. Гегеля, Дж. Милля аристотелевское разграничение государства и общества было реализовано в концепции гражданского общества и правового государства. Опираясь на эти представления, один из видных деятелей Французской революции Б. Констан писал, например, что правительства не больше, чем в древности, имеют право присваивать себе нелегитимную власть. Но правительства, опирающиеся на легитимные основания, имеют меньше, чем прежде, право осуществлять над людьми всевластный произвол. Таким образом, понятие легитимности государственной власти получило достаточно высокое развитие в теории и политической практике уже и в XVIII в. Но наиболее глубокой и отчетливой постановкой проблемы легитимности мы обязаны, конечно, М. Веберу.

М. Вебер, как известно, выделил три типа легитимности: традиционный, харизматический и рациональный. Данное определение стало классическим и вошло во все учебники по политологии. В теории М. Вебера не учитывается все богатство концептуальных основ легитимности — теории согласия, общественного договора, суверенности народа, играющих важнейшую роль в практике легитимации современных западных политических систем. Недостаток классификации М. Вебера заключается также и в отсутствии четкого различия легитимации личной власти и политического режима. В ней не учтен опыт XX в., прежде всего опыт коммунистического эксперимента, который дал совершенно новый тип легитимности. Кроме того, понятие рациональной легитимации М. Вебера достаточно ограничено в возможности подведения под него типов легитимации, присущих новым демократиям, появившимся в послевоенное время, особенно на месте ряда восточных деспотий.

В широком смысле и политика, и государство, и политические партии и организации являются видами власти, видами политической власти как особого типа власти. Политическая власть — это способность субъекта власти навязать свою волю другим людям, распоряжаться и управлять их действиями, используя насильственные и ненасильственные средства и методы. Концентрированное выражение власти — это отношения господства и подчинения. Уже упомянутый нами М. Вебер писал, что господство означает шанс встретить повиновение определенному приказу. Власть, даже институционализованный может не признаваться объектом, игнорироваться им, а господство — нет. Господство — это обеспеченность не только правом распоряжаться, но и средствами подчинения.

Отношения между людьми могут носить как негативный, так и позитивный характер. Легитимными являются позитивные отношения, т. е. отношения признания тех или иных явлений, процессов, событий, фактов. Признание — это такое отношение к власти, которое предполагает приверженность к институтам власти, носителям власти. Это уважение к власти, верность законам. Признание — это лояльность гражданина по отношению к власти, это поддержание отношений с субъектом власти, это выполнение определенных функций в системе власти, это пользование правами, данными властью, пользование услугами власти.

Процесс признания, выстраивания взаимоотношений между субъектом и объектом власти невозможен без самоидентификации, без устойчивой осознанной системы представлений субъекта и объекта легитимации о самих себе.

Таким образом, господство связано с подчинением, с признанием со стороны объекта за субъектом власти права командовать. Господство — это характеристика состоятельности или несостоятельности власти. Власть состоятельна, когда ей подчиняются. Несостоятельная власть ищет посредников в своих притязаниях на

подчинение. Состоятельная власть — сама такой посредник. Подчинение субъекту власти — это следствие легитимации власти, точнее следствие легитимации политического господства. Таким образом, когда мы говорим о легитимности и легитимации во всех видах и на всех уровнях власти, то речь идет о легитимации политического господства.

Категория легитимности является достаточно зыбкой в ее теоретической интерпретации и эмпирической верификации. Так, Т. Парсонс обусловил устойчивость социальных систем способностью актора реагировать на острые ситуационные требования, рассматриваемые либо как угрожающие, либо как благоприятные. Для его понимания легитимности особое значение имели два аспекта. Это соответствие политических институтов ожиданиям индивидов (социальный уровень) и нормативно-ценностным образцам (культурный уровень). По мнению Т. Парсонса, легитимация составляет ценностные приверженности, относительно независимые от соображений выгоды. Д. Истон считает, что в основе легитимации лежит восприятие индивидом политического объекта как соответствующего его собственным моральным принципам. К. Завершинский предлагает понимать под легитимацией процесс приобретения политической системой специфического состояния, где существующий порядок наделения властью обеспечивает возможность направлять действия политических субъектов с минимальным использованием принуждения и насилия [2, 116].

Следовательно, наиболее известные концепции легитимности основаны на способности двух субъектов политической коммуникации — властных институтов и акторов социального уровня находить и устанавливать в качестве обязательных критерии эффективности власти и оценивать ее конкретные действия как отвечающие либо не отвечающие данным критериям. Это позволяет рассматривать легитимность как специфическое состояние политической системы, где существующий порядок наделения властью обеспечивает возможность направлять действия политических субъектов с минимальным использованием принуждения и насилия.

Исходя из нынешних смысловых контекстов термина “легитимность”, можно согласиться с теми исследователями, которые рассматривают в качестве исходной, зародышевой формы публичной легитимации *авторитет и наделение им, а также доверие*. Смысловые связи между этими терминами достаточно очевидны. Авторитет по своей природе является особым свойством, характеристикой властвующего лица или центров власти. Причем специфика этого свойства проявляется в том, что наделение и распределение его обеспечивает особую “доверительность” властных отношений, их “признанность”, “согласованность”. Авторитет выступает самопорождением власти, превращается со временем в одну из форм ее существования, наиболее тесно связанную с процессом легитимации.

В обществе наряду с иерархией власти, существует и иерархия легитимности. Выделяется три уровня власти и, соответственно, три уровня господства. Микроуровень — это властные отношения на уровне коллективов, семьи, ассоциаций, индивидов. Мегауровень — властные отношения на уровне политических партий и организаций. Макроуровень — распределение власти в сфере политических отношений. Соответственно, легитимируется господство на всех трех уровнях. На уровне политики господство выступает в форме распределения власти. И легитимируется обществом именно распределение власти. Зона взаимодействия между миром политического и гражданским обществом и есть та сфера, через которую происходит процесс легитимации. Это зона легитимации, сфера действия субъектов легитимации, где субъектами легитимации выступают элементы политической системы и гражданского общества в той мере, в какой они вовлечены в политическую жизнь [3, 86].

Иными словами, эмпирически фиксируемый уровень легитимности/нелегитимности власти определяется прежде всего наличием и эффективностью кана-

лов трансляции социальных ожиданий и оценок в отношении власти, во-первых. Во-вторых, оценка власти всегда будет опосредоваться наличным социальным опытом, социальными мифами, стереотипами, даже метафизическими представлениями о сущности власти, то есть всем тем, что входит в категорию политической культуры. И, наконец, в-третьих, эмпирический анализ легитимности будет полностью эффективен в случае наличия согласия в обществе по поводу критериев легитимности, то есть при наличии в обществе хотя бы относительного нормативно-ценностного консенсуса. Соответственно, связующим звеном между властью и обществом выступает политическая коммуникация, которая и транслирует с одной стороны социальные ожидания, а с другой реакцию властных структур.

По определению американского политолога Р. А. Даля, важнейшим признаком демократии является компетентное участие граждан в процессах формирования политической воли. Именно поэтому, на наш взгляд, важнейшим ресурсом легитимности власти в современных условиях должна стать политическая коммуникация.

Политическая коммуникация — это процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой. Активнее всего политическая коммуникация формирует информационное поле в период предвыборной борьбы. Выделяются три основных способа политической коммуникации: 1) коммуникация через СМИ, 2) коммуникация через организации, 3) коммуникация через неформальные контакты.

Теория коммуникаций, которая начала формироваться в 20-е годы прошлого столетия именно на основе изучения политических феноменов, в частности и политической пропаганды, попав под пресс таких концепций как понимающая социология, структуралистская, персоналистская, как бы снивелировала специфику собственно политических способов информационной связи между борющимися за власть акторами. Так, например, Н. Винер, рассуждая о *homo communicans*, делал акцент лишь на всеобщих механизмах и условиях протекания информационных обменов, интерпретируя коммуникацию как простое перемещение информации между взаимодействующими сторонами [4, 100].

Концепт политической коммуникации описывает не универсальный, а уникальный тип коммуникативного процесса, которому присущи собственные источники информационных контактов, особый тип организации социальных взаимоотношений, специфические функциональные нагрузки в рамках общества, своя морфология, многократно опосредованный стиль общения микросоциальных групп и ряд других свойств. Только такой, ставящий во главу угла предметный характер общения, подход в состоянии высветить онтологические основания коммуникативных процессов в политической сфере общественной жизни.

Политическая коммуникация есть частный случай успешной реализации информационных обменов, попыток коммуникатора (например, властных структур) вступить в контакт со своим контрагентом. Таким образом, ее можно идентифицировать как форму общения, установленную на основе направленной передачи информации, породившей осмысленный ответ реципиента на вызов коммуникатора [5, 6].

В истории можно найти множество примеров “униполярного” коммуникативного взаимодействия, когда власть просто информирует массу пассивных и занятых своими частными проблемами индивидов либо политически “продавливает” решения, реализация которых не ассоциируется в сознании людей с их собственными интересами. В этих случаях интерпретация гражданами пущенных в публичное обращение текстов, смысловой “ответ” общества на послания власти функционально безрезультатны, т. е. нужны последней, и, следовательно, не включаются в структуру корректировки имеющихся планов и не используются для

диагностики политических процессов. Такое положение дел присуще авторитарным обществам, с традиционной легитимностью.

Легитимация в авторитарном режиме происходит как сугубо односторонний процесс, что не свойственно по истине демократическим обществам.

Для Украины постепенное преобразование средств массовой информации в средства массовой коммуникации означает, что в перспективе СМИ должны стать системой с обратной связью, т. е. превратиться в один из значимых институтов социального управления. Начать служить посредником между массами и теми, кто у власти, а не просто каналом, по которому информация поступает в один конец.

Изучать ситуацию и вникать в процессы, происходящие на микроуровне, где протекает повседневная жизнь и где принимается или наоборот — отвергается то, что совершается на уровне государства, система управления пока не готова.

Вот почему проблема социальной и политической коммуникации является настолько важной, ведь ее состояния зависит и то, как осуществляется взаимодействие людей вне зависимости от их принадлежности к тому или иному уровню социальной организации общества. В авторитарной системе управления не было предусмотрено механизмов для реализации такого взаимодействия. Наоборот — система строилась так, чтобы этого взаимодействия было как можно меньше. Новая интерактивная ситуация и интерактивная направленность управления означает непереносимое наличие обратных коммуникативных связей во всех звеньях управленческого цикла. Авторитарное управление не могло и не может по исходному условию быть социально ориентированным именно потому, что в нем не был предусмотрен механизм обратной связи.

В новом демократическом обществе нужны новые двусторонние связи государства и общества. Отсюда встают проблемы, связанные с новой концепцией массовой коммуникации, а именно, переход от прямого воздействия к диалоговой коммуникации, ориентированной на взаимодействие [6, 9].

Диалог — это не просто обмен репликами, его надо уметь вести. Диалог — это особый продукт общения и это процесс, ориентированный на взаимопонимание. Соответственно, компетентное политическое участие является признаком демократии, к которой стремится наше общество. Диалог обеих заинтересованных сторон выступает в качестве нового ресурса легитимации, формирует адекватную “повестку дня”. Когда речь ведется о диалоге в социально-психологическом ракурсе, его следует понимать либо как режим взаимодействия, основанный на стремлении к обратной связи, чем коммуникация и отличается от информационного процесса, либо как смысловой контакт, под которым имеется в виду адекватная интерпретация коммуникативной интенции. Если интенции друг друга партнеры по коммуникации интерпретируют неправильно, то диалога нет [7, 79].

В доиндустриальный период главным политическим институтом, который и обслуживали коммуникации, были разнообразные выборы, выступавшие в то историческое время главным механизмом публичного саморазвития власти. Политические коммуникации лишь поддерживали и оформляли контакты государства и общества, считаясь само собой разумеющимися способами их взаимодействия.

Однако в позднеиндустриальный период ситуация качественно изменилась. Тенденции к формированию “массового общества” существенно снизили потребность граждан в публичном политическом диалоге с властью. Широкое распространение “демократического конформизма” указывает на растущее безразличие большинства населения к участию в политической игре и даже к самому своему присутствию на политическом рынке. Интересы личности, явно переместившиеся в частный сектор, провоцируют постепенное “выключение” людей из политического диалога с властью, что означает резкое падение их внимания к ее информационным продуктам.

Такого отчуждения масс от политической жизни общества нельзя допустить.

Необходимо понимать и использовать коммуникацию не как источник и средство передачи информации в один конец, а как ресурс интеракции, диалога государства и общества. Только при наличии обратной связи и формировании устойчивой социальной позиции у политически грамотного населения можно добиться демократических изменений в обществе.

Литература

1. Дибиров А. Н. *Легитимность власти как рефлексивная форма политического господства* // *Философские исследования*. — 2002. — №1. — с. 70-80.
2. Завершинский К. Ф. *Легитимность: генезис, становление и развитие концепта* // *Политологические исследования*. — 2001. — №2. — с. 113-131.
3. Реутов Е. В. *Общество и власть. Кризис легитимности* // *Социологические исследования*. — 2006. — №1. — с. 82-88.
4. Малаканова О. А. *Политическая коммуникация* // *Политологические исследования*. — 2000. — №2. — с. 99-110.
5. Соловьев А. И. *Коммуникация и культура: противоречия поля политики* // *Политологические исследования*. — 2002. — №6. — с. 6-17.
6. Соловьев А. И. *Политическая коммуникация как особый тип информационно-коммуникативных обменов* // *Политологические исследования*. — 2002. — №3. — с. 5-18.
7. Зотов А. А. *Массовая коммуникация в формировании современного социокультурного пространства* // *Социологические исследования*. — 2000. — №7. — с. 73-82.

К. П. Саркісова, аспірант

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра політології,
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна

ПОЛІТИЧНА КОМУНІКАЦІЯ У СТРУКТУРІ РЕСУРСІВ ЛЕГІТИМНОСТІ ВЛАДИ

РЕЗЮМЕ

Найважливішою ознакою демократії є компетентна участь громадян у процесах формування політичної волі. Тому, найважливішим ресурсом легітимності влади у сучасних умовах повинна стати політична комунікація. З'являється нова концепція комунікації, а саме, перехід від прямого впливу до діалогової комунікації, орієнтованої на взаємодію.

Ключові слова: політична комунікація, легітимність, влада, держава.

Sarkisova Kate, post-graduate

Odesa National University by name of I. I. Mechnikov,
the Institute of Social Sciences, the department of Politology,
Ukraine, 65058, Odessa, the French boulevard, 24/26

THE POLITICAL COMMUNICATION IN THE STRUCTURE OF THE RESOURCES OF POWER LEGITIMACY

SUMMERY

The most important sign of democracy is the competent participation of the people in the processes of the formation political weal. That's why the main resource of power legitimacy in the modern conditions must become the political communication. It appears the new conception of communication it is the cross from the straight influence to the dialogical communication.

Key words: political communication, legitimacy, power, state.

Саркисова Е. П.

“Политическая коммуникация в структуре ресурсов легитимности власти”